

ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна / Nadezhda ZAMYATINA

| Смысл положения: место в ментально-географических пространствах |

ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна / Nadezhda ZAMYATINA

Россия, Москва.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Географический факультет.

Ведущий научный сотрудник, кандидат географических наук.

Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Старший научный сотрудник.

Russia, Moscow.

Moscow State University. Faculty of Geography. Leading researcher. Heritage Institute (Moscow).

Senior staff scientist. PhD in Geography.

nadezam@yandex.ru

СМЫСЛ ПОЛОЖЕНИЯ: МЕСТО В МЕНТАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВАХ

В статье рассматриваются ключевые понятия, позволяющие описывать представления о пространстве в рамках географической науки: концепт территории, ментально-географическое положение и др. Охарактеризованы основные стереотипы описания географического положения в русской культуре.

Выделено два типа образов территории, основанных на различии в структуре связей образа данной территории с другими в определенном ментальном пространстве.

Ключевые слова: концепт территории, ментально-географическое пространство, описание положения места, концептосфера, стереотипы русской культуры

The Sense of Location: Place in Mental-Geographical Spaces

The article examines the basic terms of space images' explanation in traditional geography: the concept of a territory, mental-geographic location, etc. Fundamental Russian cultural stereotypes of geographical location description are characterized. Two types of territory images are described; both have special structural ties with other territory images within a mental space.

Key words: concept of territory, mental-geographic space, description of a place location, conceptsphere, Russian cultural stereotypes

Важность изучения представлений человека, его сознания и мышления давно понята наукой, в том числе географией. Почти полвека признана поведенческая, широко известна гуманистическая, активно развивается так называемая новая культурная география. Однако исследования ментальной сферы все еще не вписаны в базовую методологию отечественной географии. То и дело возникает вопрос о правомерности изучения в ее рамках нематериальных объектов, об их соотношении с территорией, в общем — об их «географичности». На наш взгляд, принципы гуманитарной и, в частности, когнитивной (от лат. *cognitio*: знание, познание) географии можно успешно состыковать с ключевыми экономико-географическими концепциями территориальной структуры и организации общества, ЭГП и др.

Территория, ее ментальное отражение и география

Критерий «географичности» зависит от определения географии, ее объекта и предмета. Вот как пишет о них Б. Б. Родоман: «Один и тот же материальный объект (вещь, существо) изучается, как правило, разными науками. < ... > науки различаются не столько по объектам изучения, сколько по методам.

Пользуясь разными методами, те или иные науки в одном и том же объекте находят и придумывают разные предметы изучения. Предмет географии — пространственные связи и отношения, поддающиеся изображению на плоской карте поверхности планеты»¹. И далее: «Географ не держит на Земле своих вещей, которые бы не были разобраны другими науками. Но у географа есть свои взгляды на все земные вещи, их свойства и отношения»².

Встает вопрос: а есть ли в ментальной сфере пространственные отношения, можно ли их отобразить на географической карте? На память сразу приходит анализ ошибочных представлений о взаимном расположении земных «вещей»³. Тут объектом выступает **отражение** территории в сознании, а предметом — его **адекватность** (верность или неверность). Но считать предметом когнитивной географии **только** адекватность отражения равносильно сведению предмета географии сельского хозяйства к соответствию его профиля, скажем, почвенным ресурсам, без учета «колец Тюнена», развития

¹ Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов. Смоленск: Ойкумена. 2007. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Примеры таких ошибок приводит, например, Дж. Голд.

агротехники, экономики и т. д. Подобно объектам других географических дисциплин — почвам, атмосферным явлениям, фермам, заводам, городам — объекты географии ментальной сферы в целом относятся к компетенции не одной лишь географии. Это не просто отражение территории, но именно **ментальный объект**: представления, возникающие в сознании (и соотносимые, разумеется, с территорией).

Сам по себе данный объект состоит в ведомстве наук, непосредственно изучающих сознание и познание: когнитивных психологии, лингвистики и др. Зато предметом рассмотрения будут географические, пространственные соотношения двух видов. Первый: «отраслевые», горизонтальные отношения и связи, подобные товарно-сырьевым потокам между объектами экономической географии, а также территориальная организация совокупностей объектов ментальных пространств; только в данном случае «потоки» и отношения будут смысловые. Второй вид: «вертикальные», ландшафтно-страноведческие отношения образов или концептов отдельных мест и территорий с их особенностями. Каковы же они — объекты подобных исследований?

Ментальные объекты

Обратимся к когнитивным наукам для выяснения природы человеческих представлений. Спектр объектов оказывается шокирующе широким: всякого рода фреймы, скрипты, гештальты, когнитивные схемы, когнитивные и ментальные карты, когнитивные структуры, концепты, ментальные репрезентации, сценарии, модули, ассоциативные связи, семантическое поле и др.⁴ За многообразием терминов (хотя некоторые из них синонимичны) стоит разнообразие методологических подходов.

Есть в них, однако, и общее: выделение некоего наработанного культурой промежуточного уровня, опосредующего восприятие действительности, мышление и деятельность. Если пользоваться традиционной для отечественной науки логикой противопоставления объективного и субъективного, то данный уровень — это объективная составляющая нашего мышления: **через него культура, являющаяся продуктом социума, входит в менталитет отдельного человека.**

Наиболее распространенное понятие, характеризующее единицу данного уровня, — **концепт** (как синонимы используются понятия «когнитивные структуры» и «схемы»⁵), а ко всему уровню в целом применимо понятие **концептосферы**, предложенное Д. С. Лихачевым⁶. Концептосфера — это слой смыслов, вписанный в рамки более общей нематериальной сферы, известной географам как ноосфера В. И. Вернадского, и пронизывающий ее подобно тому, как биосфера пронизывает географическую оболочку. Мы будем пользоваться понятием концептосферы для краткого определения уровня культурных и мыслительных конструкций, опосредующих восприятие человеком геопространства.

Концепт понимается как «сгусток культуры в сознании человека, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру. <...> Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека»⁷. Обратим внимание, что концепт рассматривается не только и даже не столько как элемент мышления отдельного человека, сколько как элемент объективно существующей культуры, продукт деятельности человеческого сообщества. А значит, мышление концептами оказывается значительно менее субъективным, чем о нем принято думать.

Как не упомянуть в этой связи попытки географов изучить, что именно думает человек о территории, «поймать» мысленную картинку, милую сердцу географа ментальную карту, визуализированный образ территории! Американский географ К. Боулдинг дал поистине зримое текстовое описание такого рода образа-карты:

«Сидя за своим письменным столом, я знаю, где я нахожусь. Я вижу перед собой окно; за ним — несколько деревьев; затем красные крыши зданий Стэнфордского университета; дальше — деревья и верхушки крыш города Пало-Альто; еще дальше — голые золотистые склоны Гамильтоновых гор. Я знаю, однако, больше, чем вижу. <...> Если я снова взгляну перед собой, то за горами, ограничивающими сейчас мой горизонт, есть, я знаю, широкая долина; за ней — цепь еще более высоких гор; за этими горами — снова хребет за хребтом, пока не появятся Скалистые горы; дальше — Великие равнины и Миссисипи; за ними — Аллегань, еще дальше — Восточное побережье, еще дальше — Атлантический океан...»⁸.

Однако именно этот фрагмент Боулдинга подверг критике один из крупнейших специалистов по когнитивной психологии У. Найссер. Он указывает, что представляющие перед мысленным взором «картинки» — отнюдь не заложенный в сознании образ, а лишь мгновенный срез гораздо более сложной и, главное, динамичной мысленной (когнитивной) схемы того, что происходит в мозгу человека⁹. Аналогично, попытки ограничиться той или иной ассоциацией, допустим, с названием страны, служащей предметом множества популярных социологических опросов, — это мгновенный, ситуативно обусловленный срез более сложных ментальных явлений. По существу, такие попытки относятся к ранним этапам изучения сознания, на которых «застыла» поведенческая география. Для ряда целей (таких как политическое консультирование) стереотипные образы пригодны. Но их недостаточно для серьезного анализа представлений о территории.

На современном уровне адекватным **объектом изучения географии в области представлений следует признать концепты и состоящие из них структуры, тогда как образы логичнее рассматривать именно как репрезентации более сложных смысловых структур**¹⁰. В то же время образ как ре-

⁴ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

⁷ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 43.

⁸ Цит. по: Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 126.

⁹ См. Найсер, ук. соч.

¹⁰ Более подробно о соотношении концепта, образа и географического образа территории см.: Замятина Н. Ю. Когнитивная география:

презентация концептуальной структуры вполне органичен для географии и, тем более, картографии. Согласно современным представлениям, карта содержит образы (картографические образы) как специфический способ кодирования информации¹¹.

Концепт положения как элемент представлений о свойствах места

Что такое пространственные связи в концептосфере? Напомним, что здесь, как и в других областях географии, возможны «горизонтальные» (отраслевые) и «вертикальные» (комплексные региональные) исследования. Первые априори должны интересоваться пространственными связями внутри концептосферы. Эта тема по-своему весьма обширна, но здесь мы сосредоточимся на «вертикальных» исследованиях, подобных ландшафтному или страноведческому. Их суть состоит в установлении взаимосвязей на конкретной территории компонентов не только геосферы, но также ноосферы и ее части — концептосферы. С охватом, по Н. Н. Баранскому, разных компонентов от идеологии до идеологии, причем до идеологии в буквальном смысле, ибо идеология есть прямое порождение концептосферы. Результатом исследования должна стать комплексная характеристика территории, расширенная «на уровень» концептосферы. Иными словами, с территорией нужно сопоставить ее концепт — сочетание культурных конструкций, проецируемых на данную территорию. Сделаем в этой связи три замечания.

Во-первых, как отмечалось выше, с территорией сопоставляется не образ (картинка или словесный портрет, стереотип), а именно сочетание культурных конструкций, позволяющее оценить всю совокупность сопряженных с территорией смыслов. Не просто «белое безмолвие Севера», а все, что связывается в данной культуре с белым и с безмолвием (ведь где-то безмолвие оценивается как признак просветленного совершенства, а где-то — как неразвитость, пугающая пустота). Не просто «русские считают французов любвеобильными», а с учетом понимания любвеобильности в русской культуре.

Во-вторых, следует уточнить, концепты какой культуры рассматриваются. В пределе, это все возможные культуры, где существуют концепты данной территории. Впрочем, можно ввести ограничение, подобное ограничению объектов в классическом определении ЭГП: совокупность отношений не ко всем объектам Земли, а только к имеющим экономическое значение и, более того, существенным для изучаемого объекта. Аналогичным образом, в рамках комплексной когнитивно-географической характеристики территории логично рассматривать ее концептуальное представление не во всех культурах, а только в значимых для нее в данной ситуации. Допустим, в культуре самого местного сообщества и в сообществе ближайших соседей.

предмет и основные понятия // Территориальная структура хозяйства и общества зарубежного мира / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 18. М. Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 57–69.

¹¹ Подробнее см.: Берлянт А. М. Образ пространства: карта и информация. М.: Мысль, 1986. С. 62–83. Заметим, что существует разница между концептами, являющимися, в общем случае, смысловой единицей, и информацией вообще. Но на данном этапе рассмотрения проблемы эта разница несущественна.

В-третьих, концептуальное представление территории не может не включать пространственных компонентов. Собственно, здесь мы подходим к основной теме статьи — *ментально-географическому положению*.

Правда, в поведенческой географии сложилась традиция отдельно рассматривать пространственные и атрибутивные представления о территории¹². Соответственно, одни работы посвящены изучению представлений о границах и соседстве различных географических объектов, особенно несовпадению этих представлений с «первой реальностью»; другие же связаны с изучением стереотипных «атрибутивных» образов объектов, выделяющих его самыми разными физическими и функциональными свойствами.

На наш взгляд, эта традиция неадекватна объекту исследования¹³. Жесткое разведение пространственных и атрибутивных свойств вообще чуждо географии. Анализ преимущественно пространственных аспектов развития объекта у нас еще возможен (теория центральных мест, топология транспортных сетей и др.), но вряд ли приемлемо его изучение в узко-атрибутивном «внепространственном» ключе. Ландшафтные исследования включают анализ химических потоков в рамках ландшафтных катен; строно- и градоведческие исследования немислимы без анализа ЭГП. Географ скорее согласится с «позиционным редукционизмом», выводящим свойства объекта или места из его положения (хотя это тоже одно из свойств)¹⁴, чем допустит полное исключение параметров ГП из исследования.

Точно так же в концепте территории взаимосвязаны представления о ее «качественных» особенностях и положении в окружающем пространстве. Смыслы, которыми его отдельные точки «нагружены» в определенном сообществе, активно используются в практической деятельности. Так, широко применяется перемещение в пространстве в воспитательных целях: начиная с детского сада, провинившегося ставят в угол, выгоняют за дверь, позже отправляют в колонию, ссылают, высылают за 101 км. Заметим, что такие перемещения могут нести прямого физического, материального ущерба для наказуемого (если, конечно, ставят просто в угол, а не на горюх) и не слишком ограничивать его подвижность. Скорее происходит наказание символическими позиционными свойствами угла, периферии и т. п. И наоборот, существуют почетные места за столом, на трибуне и пр. Определенные места служат для установки значимых памятников и присвоения имен, а в случае пересмотра идеологического значения увековеченного имени происходит снос или перенос памятников, переименование поселений и улиц.¹⁵

¹² Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. Пер. с англ. и введ. ст. С. В. Федюлова. М.: Прогресс, 1990. 302 с.

¹³ Эта позиция впервые была изложена в работе: Замятина Н. Ю. Взаимосвязи географических образов в страноведении. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. геогр. наук. М. геогр. ф-т МГУ, 2001 (на правах рукописи).

¹⁴ Родман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. С. 76–81.

¹⁵ Хорватский географ Лаура Шакая подсказала примеры, когда не просто переименовывали улицы, а названия улиц переносили (высылали) из центра города на окраины в связи с изменением политической оценки тех, чьим именем они были названы.

Представление о территории в определенной культуре обычно включают представления о ее местоположении. А иной раз единственной ассоциацией, связанной с географическим объектом, является ассоциация именно с ГП: «в Сибири», «где-то в глуши», «под Москвой». И как в таких случаях отделить атрибутивную информацию от пространственной? Ведь не ясно, чего здесь больше: представлений о месте, занимаемом Сибирью в стране и на планете, о глуши, о Подмосковье или о свойствах вмещающего региона (холодно, бедно, выгодно и т. д.).

По-видимому, различные территории по-разному нагружены «наведенными» местоположением смыслами. Про один город только и скажут, что он «в Сибири», про другой — куда больше. С другой стороны, мы знаем по опыту и от отечественных классиков, что в реальном географическом пространстве зрелые города «сами создают свое ЭГП». В концептосфере, видимо, наблюдается аналогичная ситуация.

Ментальное пространство

ЭГП географического объекта сопряжено с представлениями о его свойствах: положение города может быть выгодно для строительства металлургического комбината и невыгодно с точки зрения организации курорта, или наоборот. Более того, ГП можно описать многими способами, различающимися идеолого-символической нагрузкой, не греша притом перед геодезической истиной. «Находится в Поволжском экономическом районе», «в 1000 км к востоку от Москвы», «на востоке европейской России в среднем течении Волги», «стоит на берегу великой реки, «русского Нила»», «был построен в Заволжье» — все это может относиться к одному и тому же городу. И относится — скажем, к Самаре. Однако едва ли уместно описать его как расположенный «на берегу великой русской реки в Поволжском крупном экономическом районе» или «в заволжских степях Приволжского федерального округа». Когнитивная несочетаемость составных частей этих выражений связана с тем, что они принадлежат разным ментальным пространствам.

Понятие *ментального пространства* (МП) введено в науку Ж. Фоконье и широко используется в гуманитарном знании¹⁶. По сути оно чаще всего так же негеографично, как и «социальное пространство», «пространство диалога» и т. п., где само пространство — просто метаформа, условность. Она отражает лишь тот немаловажный факт, что *отдельные концепты встроены в определенную смысловую систему, состоящую из взаимосвязанных концептов*. В МП народной сказки есть концепт ковра-самолета, но нет космолета, а в МП научно-фантастического произведения — наоборот. Так же опознается МП дискурса: если речь идет о боевиках, то они город, скорее всего, «захватят», а если о повстанцах — то «освободят» (хотя речь идет об одних и тех же людях и событиях). При этом внимание исследователя фокусируется не на описываемых объектах и явлениях, а на том, как данные объекты и явления *представляются сознанием*. Например, англичане в своем наиболее

распространенном МП «падают в любовь» (fall in love), а не влюбляются: из этого следует, что английский концепт любви похож на некий резервуар, куда можно впасть, тогда как для русских это скорее процесс вхождения в чувство.

В одной и той же национальной или региональной культуре бытует множество МП. Так, в МП обыденного русского языка солнце всходит и заходит вне зависимости от открытий Коперника и Джордано Бруно. Тогда и планеты не движутся по своим орбитам, а Солнце не является одной из звезд нашей галактики. Эти концепты — из другого МП, тоже существующего в русской культуре, но в ином, научном, дискурсе. Знание о строении солнечной системы не мешает образованному человеку говорить о восходе солнца: МП существуют параллельно, и человек мысленно переключает их в зависимости от ситуации. При этом гуманитариев обычно не заботит, какое из МП «объективнее»: если они изучают обыденное сознание, то просто имеют дело с тем МП, где солнце «всходит и заходит».

Нас же интересуют географические аспекты МП. Поэтому будем говорить о *географическом ментальном пространстве* (ГМП), если выполняются два условия:

- имеется система взаимосвязанных, сочетающихся концептов (как в МП вообще)¹⁷,
- все или часть концептов данной сети соотносятся с той или иной территорией¹⁸.

Каждое ГМП имеет свой набор географических концептов. В различных ГМП одна и та же территория мысленно связывается с различными другими территориями, причем связывается по-разному и в результате наделяется различными смыслами. Положение и смысл объектов, составляющих «хартленд», определяется в том же МП, где есть «римленд» и, допустим, какие-то лимитрофы. Но нет, скажем, Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, включающего Нерюнгри с группой подчиненных поселений. Положение и смысл объекта на трассе Байкало-Амурской магистрали определяется в ГМП, где есть Тынды и даже, может быть, Белкомур, но нет Иерусалима и Шамбалы. Все эти МП относительно мирно сосуществуют в рамках одной (русской) культуры.

Ментально-географическое положение

Итак, смысловая нагрузка территории зависит от ее соотношения с другими территориями и от набора соотносимых территорий (ГМП). Попробуем уточнить свойства *ментально-географического положения территории*¹⁹. Во-первых, как уже отмечалось, речь должна идти о соотносимых с территорией смысловых структурах и конструкциях как части концепта территории. Во-вторых, такие структуры и конструкции должны

¹⁶ Довольно подробно термин растолковывается в работе: Скребцова Т. Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье, И. М. Тернера // RESPECTUS PHILOLOGICUS. 2002. № 2(7). URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/skrebцова.htm>. См. также: Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge, Mass.: MIT Press., 1985.

¹⁷ Или просто сеть взаимосвязанных концептов, но в данном случае выбор термина второстепенен.

¹⁸ Которая может быть реальной или воображаемой, как Атлантида или Беловодье, но в любом случае она должна быть воображена именно как территория.

¹⁹ Этот термин вводился в работе: Замятина Н. Ю. Образ региона как «память» об историко-географическом контексте его возникновения (на примере крупных регионов США) // Вестник исторической географии. № 2. М. — Смоленск: Ойкумена, 2001. С. 31–40. Там же рассмотрено отличие МП от понятия *интегрального географического положения*, ранее предложенного С. В. Федуловым для учета представлений людей о своем местожительстве.

ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна / Nadezhda ZAMYATINA

| Смысл положения: место в ментально-географических пространствах |

соотноситься с данной территорией не вообще, а в определенной культуре. В-третьих, даже не в культуре в целом, а в одном из свойственных данной культуре МП и (еще точнее) — в его географическом «срезе» — ГМП. Пожалуй, наименее проясненной остается тема концептуальных структур и конструкций.

С точки зрения когнитивной психологии, формирование концептуального представления о территории и ее ГП похоже на подбор и соединение смысловых элементов из обширной базы данных, которой располагает сознание; это что-то вроде сборки модели из конструктора²⁰. При этом детали конструктора, соответствующего ситуации или задаче, чаще всего берутся из некоей конкретной «коробки» (ментального пространства, дискурса; здесь же можно говорить о фреймах и т. п.).

Приведем примеры отдельных конструкций, используемых для характеристики ГП в политической культуре России, без складывания их по «коробкам» отдельных ментальных пространств, каковая задача отчасти решалась нами в работах по когнитивно-географическим контекстам²¹. Цель следующего раздела состоит в том, чтобы описать выявленный в ходе конкретного изыскания набор ментальных конструкций, из которых в современной российской политической (административно-политической) культуре формируется ментально-географическое положение.

Типичный «набор для конструирования» ментально-географического положения в политической культуре России

Наше исследование официальных сайтов субъектов РФ²² выявило ряд типичных конструкций, комбинирование которых, по сути, подменяет присущий отечественной экономгеографии тщательный анализ географического положения. При этом значительная часть огрублений и упрощений вызвана потерей связи между положением (позицией) и атрибутивными свойствами характеризуемого (позиционируемого) объекта. Его концепт в той части, которая включает представления о ГП, формируется не столько как отражение внешних пространственных отношений и внутренних свойств конкретной территории, сколько как комбинация типичных для российской политической культуры стереотипных концептов геоположения вообще.

«Дорожная карта». Наиболее «объективная» характеристика транспортного положения, во многом отвечающая канонам экономической географии, — это указание на расстояние, отделяющее регион от центров, имеющих для него важное эконо-

мическое значение. Пример: *Расстояние по железной дороге от Читы до Москвы — 6074 км, Екатеринбург — 4386, Новосибирска — 2861, Хабаровска — 3327, Иркутска — 1013 км (Читинская область...).*

«На пути к вершине». Явная или неявная оценка важности мест, относительно которых определяется положение субъекта, превращает «плоскостную» характеристику в символически рельефную. Таковыми, в частности, оказываются все правильно построенные характеристики географического положения:

Непосредственная близость крупного рынка сбыта — Московского региона, разнообразие природных условий, развитая сеть железных и автомобильных дорог, высококвалифицированный кадровый потенциал, имеющийся избыток энергетических мощностей делают Рязанскую область регионом, привлекательным для инвестиций (Рязанская область...).

Регион имеет выгодное экономико-географическое положение, находясь между промышленно развитой европейской частью и развивающейся восточной, богат природным сырьем и энергией (Свердловская область...).

Она соединяет два наиболее развитых экономических района России — Центральный и Северо-Западный — и расположена между Москвой и Санкт-Петербургом (Тверская область...).

«И я пройти еще смогу...»

Нередко, однако, регион символически возвышается за счет «приближения», «усиления транспортной доступности» объектов значимых, но объективно далеких:

Область находится в непосредственной близости к побережью Тихого океана и основным экономическим партнерам в этом регионе, имеет выход в моря Тихого океана через Амурский водный путь. По ее территории проходит Транссибирская магистраль, которая обеспечивает наикратчайшие маршруты из Западной Европы и Ближнего Востока в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (ЕАО...).

Иногда, наоборот, «возвышается» любой ближайший объект: *Выгодное экономико-географическое положение (ЭГП) Приморского края определяется тем, что территория края имеет непосредственное соседство — на севере с промышленно развитым Хабаровским краем, на западе на протяжении почти 1000 км с активно развивающимися Северо-Восточными районами Китая, на юге с развивающейся северной провинцией КНР (Приморский край...).*

Степень объективности «возвышения» того или иного объекта, относительно которого определяется ЭГП, это вопрос особый. Нам в данном случае важнее другое: указание положения объекта по отношению к объекту, почитаемому за важный «кубик» в кладке ментально-географического положения.

«В сетях транспортных путей». Смысловой акцент может быть сделан на доступность самого региона; тогда характеристика его ТГП как бы выворачивается наизуток. И вместо символического возвышения образа региона, как в предыдущем случае, он ставится в зависимость от транспортных путей. Строгие «планиметрические» описания этого типа прямо указывают на транспортную доступность:

Железная дорога в Республике Тыва отсутствует. До ближайшей железнодорожной ветки — г. Минусинска от г. Кызыла 402 км... Речным транспортом осуществляется перевозка

²⁰ Ч. Филмор использует для описания такого рода ментально-географического конструирования понятие «модуля» буквально по аналогии со сборкой модульной мебели Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

²¹ Замятина Н. Ю. Вариации региональных образов: когнитивно-географические контексты // Полис. 2004. № 5. С. 85–97. Замятина Н. Ю. Города, районы и страны в политическом рельефе российских регионов. По материалам официальных сайтов субъектов РФ // Полис. 2006. № 2. С. 122–138.

²² См.: там же. Далее выдержки с официальных сайтов даются курсивом. Поскольку приводится материал ранее проводившегося исследования, если не оговорено специально, цитаты зафиксированы по состоянию на 2006 г.

ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна / Nadezhda ZAMYATINA

| Смысл положения: место в ментально-географических пространствах |

грузов и пассажиров по р. Бий-Хем (Большой Енисей) и Каа-Хем (Малый Енисей), сквозного водного пути в другие регионы России нет. Воздушный транспорт осуществляет перевозки на внешних (города: Москва, Красноярск, Новосибирск, Иркутск) и местных воздушных линиях (в пункты, не имеющие других видов транспорта) (Республика Тыва...).

Выгоды транспортного положения, иногда преувеличенные, призваны подчеркнуть ключевую роль региона и его центра в системе сообщений. Узлы транзитных магистралей воспринимаются при этом как причина прохождения дорог через территорию данного субъекта РФ:

Через Саратов проходят многие прямые и транзитные авиалинии, соединяющие его с Москвой, Волгоградом, Санкт-Петербургом, Самарой, курортами Кавказа и Крыма, а также со многими районами области. Саратов — крупнейший речной порт на Волге. Водный путь связывает город с промышленным центром России, Москвой (канал им. Москвы), Западным Уралом (р. Кама), Черным морем (Волга-Донской канал), Прибалтикой и Белым морем (водная система Волго-Балт) (Саратовская область...).

Начиная со второй половины XIX в. железные и шоссейные дороги связали Орел с Поволжьем и балтийскими портами, с Москвой, Харьковом, Севастополем. Проведение этих дорог еще более укрепило положение Орла как своеобразного связующего звена Центральной России (Орловская область...).

В иных случаях весь регион только «нанизан» на транзитные линии, «натянутые» между внешними пунктами. Собственная территория здесь пассивна. В анаморфированном дорожном пространстве пути не ведут из данного субъекта РФ в другие, не соединяют его с тем-то и тем-то, но просто проходят через него:

Липецкая область занимает чрезвычайно выгодное географическое положение, так как находится на пересечении важнейших транспортных магистралей (здесь проходят железные дороги, связывающие Москву с Северным Кавказом, а западные районы страны — с Поволжьем; важнейшая автомобильная магистраль — Москва-Новороссийск) (Липецкая область...).

Хабаровский край расположен в центре российского Дальнего Востока. Через его территорию проходят сухопутные, водные и воздушные маршруты, соединяющие внутренние районы России с тихоокеанскими портами, а страны СНГ и Западной Европы с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (Хабаровский край...).

Пассивность территории в таких транспортных характеристиках, вероятно, является следствием специфической канцелярской эволюции учения о ГП, приведшей к превращению известного тезиса о выгодах размещения «на перекрестке транспортных путей» в штамп. Образ перекрестка иной раз доводится до абсурда, порождая формулы, похожие на заклинания:

Через наш регион проходят основные железнодорожные, автомобильные, авиационные и водные пути России (Волгоградская область...).

Костромская область имеет выгодное транспортно-географическое положение. Через ее территорию проходят транзитные железнодорожные, водные и автомобильные магистрали (Костромская область...).

«В строю». Следующий уровень описания ЭГП (ТГП), обычный для сайтов сравнительно небольших городов, в том числе возглавляющих некоторые недавно возникшие республики в составе России, подразумевает иерархическое устройство пространства с чередой разноранговых центров. В этом случае указываются Москва, бывшая более крупная собственная «столица», а местные центры упоминаются при условии, что они важны для внешних сообщений характеризуемого города:

Майкоп отделяет от столицы России Москвы 1670, а от центра Кубани Краснодара — 160 км. Ближайший морской порт в Туапсе находится в 150 км от Майкопа (Республика Адыгея...).

Расстояние от Горно-Алтайска до Москвы — 3641 км, от Горно-Алтайска до Барнаула — 250 км, от Горно-Алтайска до ближайшей железнодорожной станции (г. Бийск) — 100 км (Республика Алтай...).

Такое описание уже имеет символическую нагрузку: оно явно отсылает к «матрешечной», жестко-иерархической организации пространства, в которой нет места реальным, но неформальным региональным центрам. Так, для реальной жизни Горно-Алтайска актуально сообщение с Новосибирском, который «притягивает» многие торговые, культурные, социальные, карьерные и другие связи республики. Для объективной характеристики Майкопа потребовалось бы сориентировать его и относительно Ростова-на-Дону.

«Хорошо на московских просторах». Указание расстояния только до Москвы свидетельствует о достижении высшей ступени символизации: здесь отпадают какие бы то ни было другие центры, кроме столицы страны²³. Для соседних с Московской областей это в известной мере оправдано: Москва представляет для них важнейший полюс притяжения. Но когда расстояние до нее достигает тысяч километров, отказ от соотношений с какими-либо другими городами является признаком скорее политико-символического, чем экономико-географического контекста характеристики:

Шесть часов разделяют Якутск и Москву. Два года понадобилось воеводам П. П. Головину и М. Б. Глебову, чтобы преодолеть расстояние в 7943,5 версты в июне 1640 г. Современный лайнер ИЛ-62 за 6 часов доставляет пассажиров из Якутска в столицу России (Республика Саха — Якутия...).

Расстояние от Ханты-Мансийска до Москвы — 2040 км. Территория — 534,8 тыс. кв. км. Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. территория Ханты-Мансийский автономного округа приравнена к районам Крайнего Севера (ХМАО...).

Всех их, пришедших со своих монотонных русских равнин в эту страшно далекую от Москвы азиатскую дичь, поразила открывшаяся картина горной вековой тайги, сверкающих по горизонту вершин. Перед ними лежала Шория (Кемеровская область...).

Впрочем, есть и такие примеры, когда путем указания расстояний до различных объектов подчеркивается наличие у тер-

²³ Собственно говоря, такова форма стандартного статистического «паспорта» субъекта РФ, приводимого в официальных изданиях. Именно через эту форму, сложившуюся в советское время, тексты сайтов становятся носителями символов централизации пространства.

ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна / Nadezhda ZAMYATINA

| Смысл положения: место в ментально-географических пространствах |

ритории иных, кроме Москвы и даже России, полюсов тяготения (как экономических, так, возможно, и политических):

Ближайший областной центр России — Псков — отстоит от Калининграда на 800 км, до Москвы — 1289 км. А вот до многих европейских столиц расстояния сравнительно небольшие: 350 км до Вильнюса (Литва); 390 км до Риги (Латвия); 400 км до Варшавы (Польша); 550 км до Минска (Беларусь); 600 км до Берлина (Германия); 650 км до Стокгольма (Швеция); 680 км до Копенгагена (Дания); 850 км до Осло (Норвегия) (Калининградская область...).

Расстояние по железной дороге от г. Улан-Удэ до г. Москвы — 5519 км, а до Тихого океана — 3500 км (Республика Бурятия...).

«*Посреди России всей*». Символический оттенок имеют также характеристики, указывающие на положение субъекта РФ в центре (в сердце) страны или хотя бы какой-то ее части. Примечательно, что в основе таких характеристик нередко лежит весьма произвольная трактовка середины как геометрического понятия. Обычно без уточнения смысла, конкретного явления, для которого центральность вообще-то можно определить довольно строго. Вот серия примеров:

Область находится в центре нечерноземной зоны Европейской территории России (Костромская область...).

Ульяновская область расположена в самом центре Среднего Поволжья, по обе стороны Волги, в центральной части европейской России (Ульяновская область...).

Мы живем в благоденном крае, в центре России, на берегу величайшей реки Европы (Самарская область...).

Область расположена в самом центре сегодняшней России и связана с остальными регионами страны автомобильными и железными дорогами и воздушным транспортом (Свердловская область...).

Ханты-Мансийский автономный округ расположен в центральной части России. Он занимает центральную часть Западно-Сибирской равнины (ХМАО...).

Ямало-Ненецкий автономный округ — это целая страна в центре Крайнего Севера России (ЯНАО...).

Красноярский край занимает центр Азиатской части России и расположен между 51 и 81 градусами северной широты и 78 и 113 градусами восточной долготы (Красноярский край...).

Находясь в самом центре материка, область [Иркутская — Н. З.] граничит с Красноярским краем, республиками Тува, Якутия, Бурятия, Читинской областью (Иркутская область...).

Механизм формирования МГП российского региона можно описать как ряд мыслительных операций:

Во-первых, фиксация определенного МГП. В одних случаях рассматривается только территория России, в других — также зарубежные страны. Почти всегда в ментальном пространстве присутствует Москва, даже если ее экономическое значение как «вне лежащей данности» весьма мало.

Во-вторых, выбор в рамках данного МГП готовых форм и видов положения: указание на значимых соседей, транспортные пути, выбор территории, в центре которой можно поместить описываемый объект и т. д. Особо отметим последнюю тенденцию — представление о центральном положении объекта практически вне зависимости от реальной ситуации, то есть хотя бы о положении в центре Крайнего Севера.

Это яркий пример МГП как равнодействующей сил со стороны физической реальности и собственных законов организации концептосферы. Именно традициями мышления, сложившимися в определенной культуре по поводу определенного типа ГМП (в нашем случае ГМП, соответствующего официальному политическому дискурсу России), объясняется стремление найти в положении объекта центральность или перекрестность на путях сообщения (а не, допустим, на «сакральной вертикали»).

Ментально-географическое положение территории, в итоге, может быть описано как **представление о смысле данной территории, связанное с ее положением в определенном ментальном географическом пространстве**. При этом положение в МГП осознается, в свою очередь, под влиянием как свойств территории, так и традиций осознания пространственного положения объектов, сложившихся в данной культуре.

Конкурентоспособность «местных» и «пространственных» образов

Проведенное исследование официальных сайтов субъектов РФ позволяет выделить не только традиции описания ГП, но и одну из типичных стратегий позиционирования региона, которую можно без особых натяжек назвать сугубо местной или «почвеннической». Эта древняя стратегия типична для традиционных культур. Ее содержание, по сути, сводится к факту существования данного места. Попутно утверждается, что оно одно является хорошим, правильным, а то и единственным. Комплекс представлений о нем почти всегда включает легенду о его происхождении или основании, в которой, как правило, присутствует главный герой — конкретный основатель. Вместо этой легенды или наряду с ней может появляться легенда о незапамятно-давнем происхождении места, но она не исключает героя, знаковой фигуры народной мифологии, усиливающей значение места. Десятки примеров этой мифологии содержат сообщение в духе «Ехал как-то царь Петр по нашей земле...».

При этом образ самого места обычно разработан слабо. Многие характеристики субъектов РФ сводятся к формуле «у нас душевные, работающие, гостеприимные люди, красивая природа и благодатная, щедрая земля, богатая на грибы, ягоды и таланты». Подобные описания устроены так, как если бы описываемая территория была одинока в пространстве.²⁴ Ведь характерное описание прекрасной и щедрой родной земли мгновенно теряет смысл, если в поле зрения появляется соседняя — не менее прекрасная и щедрая. Иногда в этом контексте добавляется соотношение с объектами высшего ранга (в сердце России и т. п.), но не с равноценными географическими объектами. Иначе любимый край был бы неотличим от других мест с богатой природой и гостеприимными жителями. Их появление в поле зрения означает качественный скачок, радикально меняющий МГП и положение в нем.

Другой полюс (тип) характеристики территории связан с излишней «закисленностью» на другой, внешней территории — объекте постоянных сравнений. Таковы фронтальные

²⁴ Примерно так обитатели некоторой округи понимают выражение «поехать в город». Для локального социума («мира») город, допустим райцентр, тоже единственен.

ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна / Nadezhda ZAMYATINA

| Смысл положения: место в ментально-географических пространствах |

образы — Севера (в отличие от «материка»), Запада (в отличие от Востока США) и Востока (в отличие от европейского Запада России), ранние образы Америки (в отличие от Европы) и т. д. Они наталкивают на предположение, что именно излишняя пространственность может служить признаком незрелости «образообразования»²⁵.

Образы, формируемые без соотнесения с образами других географических объектов, назовем условно *местными*, или «вертикальными», поскольку их содержание наращивается как бы по вертикали, безотносительно к окружающему пространству. А их антиподы — *пространственными*, «горизонтальными», как бы вросшими во внешнее пространство.

Очаги развитой городской культуры обычно могут похвастаться детально разработанной местной мифологией. В России ярким примером служит Санкт-Петербург. Детальный анализ формирования образа Петербурга в русской литературе проведен В.Н. Топоровым²⁶. Показательно, что образ Петербурга содержит как «горизонтальную» (противопоставление Москве), так и «вертикальную», экзистенциальную составляющую. Как показано Топоровым, детально разработанный, объемный («вертикально-горизонтальный») образ Петербурга — это в значительной мере плод культурного труда мигрантов, результат интенсивного «вживания» в чуждую культуру, напряженной культурной адаптации на новом месте.

Строго «вертикальные» образы, напротив, характерны для относительно замкнутых и традиционных сообществ — они «автохтонны». «Горизонтальные» образы характерны для территорий нового освоения, с неукоренившимся населением, где только начинается культурный труд «образного обживания земли».

Объективные процессы урбанизации, интенсивных миграций, расширения информационных контактов в наименее выгодное положение ставят территории с автохтонными, «вертикальными» образами, характерными для огромной массы населенных пунктов России: интровертные образы «благодатной» земли разрушаются. В столкновении с образами сотен других мест, «просто» благодатное и красивое место буквально теряет свою уникальность, а вместе с ней — отчасти и идентичность. Развитие же нового, более сложного и полноценного образа требует времени, а главное — интенсивной культурной жизни, для которой у местного сообщества порой просто нет человеческих ресурсов.

Целостность, непротиворечивость системы смыслов окружающего мира — важное условие нормального развития человеческого общества. Несовпадения и «провалы» возникающие в процессе модернизации, глобализации, столкновения разных культур в картине мира определенного сообщества, чреватые жесткими стрессами. И человек стремится так или

иначе их купировать или компенсировать, мысленно достроив картину мира за счет стереотипов и идеологий²⁷. Ими в эпохи перемен и заполняются «пробелы» в картине мира. Это удел переходных обществ, ведь сама проблема возникает потому, что в традиционных обществах картину мира определяют местные мифы и легенды. В развитых и зрелых обществах место идеологии, по-видимому, отчасти занимает новая традиция. Это касается сообществ разного масштаба: цивилизационного, национального, регионального, локального.

Так, в сложные для города (и других территориальных сообществ) моменты развития возникает потребность в целенаправленном формировании местного имиджа — особой городской идеологии. Можно выделить некоторые типичные ситуации, связанные с быстрым «вхождением» города в новое информационное поле, при которых целенаправленная разработка имиджа становится актуальным:

1. Город молод (расположен на территории нового освоения), и основная часть его населения — приезжие.
2. Быстрая урбанизация, связанная с притоком в город большого числа мигрантов.
3. Быстрое усиление информационной открытости территории в сочетании с увеличением миграционной подвижности местных жителей (грубо говоря: появились возможности для эмиграции): происходит смещение в восприятии территории от «малой родины» к «одного из возможных мест жительства».
4. Город выходит на новые рынки капитала, услуг и рабочей силы как реальный и потенциальный объект для инвестиций и миграций. Этот случай — классический для западного маркетинга и брендинга.

Заметим, что едва ли не во всех регионах современной России в последние десятилетия наблюдается сразу несколько из названных признаков необходимости разработки имиджа города, и местными силами можно обойтись далеко не всегда. Здесь город подстерегают две ошибки.

Первая — попытки «продвижения» местных географических образов, созданных вне связи с окружающим пространством (уже названные образы мест, богатых на грибы, ягоды и таланты). По сути, при этом упускается оценка ментально-географического положения города, то есть его соотношения с другими актуальными географическими объектами — как «чисто пространственного», так и содержательного.

Вторая — это противоположный перекоп: формирование исключительно пространственных, «неместных» образов, то есть чересчур внешних, зависимых от образов других географических объектов.

Речь, в сущности, идет об образах не только городов, но и районов, стран, вообще территорий разного размера. Подобно развитию самой территории, развитие ее образов требует учета как внутренних ресурсов, так и ресурсов положения в ментально-географическом пространстве.

²⁵ Аналогичное наблюдение сделал Л. В. Смирнягин, наблюдая слоганы американских городов.

²⁶ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 259–367.

²⁷ Гирц К. Интерпретация культур. Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).

ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна / Nadezhda ZAMYATINA

| Смысл положения: место в ментально-географических пространствах |

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ САЙТЫ СУБЪЕКТОВ РФ

Волгоградская область. <http://www.volganet.ru/>
Еврейская автономная область. <http://www.eao.ru/>
Иркутская область. <http://www.admirk.ru/>
Калининградская область. <http://www.gov.kaliningrad.ru/>
Кемеровская область. <http://www.kemerovo.su>
Костромская область. <http://www.region.kostroma.net/>
Костромская область. <http://www.admkos.kostroma.su/>
Красноярский край. <http://www.krskstate.ru>
Липецкая область. <http://www.admlr.lipetsk.ru/>
Орловская область. <http://www.orb.ru/>
Приморский край. <http://www.primorsky.ru/>
Республика Адыгея. <http://www.adygheya.ru/>
Республика Алтай. <http://www.altai-republic.com/>
Республика Бурятия. <http://www.buryatia.ru/>

Республика Саха-- Якутия. <http://www.sakha.ru/>
Республика Тыва. <http://www.tuva.ru/tuva/>
Рязанская область. www.ryazanreg.ru.
Самарская область... <http://www.adm.samara.ru/>
Саратовская область. <http://www.gov.saratov.ru/>
Свердловская область. <http://www.e-reliz.ru/govern/index.htm>
Свердловская область. <http://www.e-reliz.ru/govern/index.htm>
Тверская область. <http://www.region.tver.ru/>
Ульяновская область. <http://www.mv.ru/~admobl/0/>
Хабаровский край. <http://www.adm.khv.ru/>
Ханты-Мансийский Автономный Округ. <http://www.hmansy.ru/>
Читинская область. <http://www.adm.chita.ru/>
Ямало-Ненецкий Автономный Округ. <http://www.yamal.ru/>

